

Левинъ обыкновенного помѣщика—аграрія съ нѣкоторой примѣсью идеализма и романтизма въ отношеніи къ крестьянамъ. И, конечно, этотъ романтический идеализмъ не долго бы выдержалъ жестокія прикосновенія суповой дѣйствительности. Розы между мужикомъ и бариномъ все-бы росла, противорѣчія между интересами того и другого все увеличивались бы и съ желѣзной необходимостью толкали бы барина—романтика на путь истинно дворянской политики по извѣстной программѣ—земскихъ начальниковъ, дворянского банка, а впереди, можетъ быть, и сотни казаковъ. Но совѣсть великаго художника не пустила Левина въ эту сторону, она смущила его покой картиной жизненныхъ противорѣчій, мыслью о неизбѣжной смерти и безсмысленности жизни, ушедшей на созиданіе себѣ одному семейства и материальнаго благополучія. Вопросъ о смыслѣ и цѣляхъ жизни мучительно зазвенѣлъ въ совѣсти и Левина, толкалъ его на тяжелыя нравственные страданія и муки, чутъ не привель къ самоубійству и, наконецъ, направилъ его сначала въ лоно церковно—народныхъ традицій, откуда уже намѣчался выходъ въ сторону евангелическаго христианства.

Еще Н. К. Михайловскій въ своей замѣтательной статьѣ о Толстомъ („Десница и Шуйца Л. Н. Толстого“) обратилъ вниманіе на тѣ страницы романа „Анна Каренина“, которыя свидѣтельствовали не только о драмѣ жизни въ душѣ К. Левина, но еще въ большей степени говорили о драмѣ души великаго писателя. Эта драма могла привести обыкновенного человѣка къ самоубійству, но у недюжинного человѣка она могла разрѣшиться иначе, путемъ иныхъ болѣе жизненныхъ выходовъ. Толстой былъ достаточно сильнымъ человѣкомъ, чтобы покончить жизнь самоубійствомъ. Его спасла крестьянская масса, любовь къ которой зародилась у Толстого еще въ молодости. Онъ сталъ внимательнѣе всматриваться въ ихъ жизнь, и жизнь богатаго круга людей ему „не только опровергѣла, но и потеряла всякий смыслъ“.

Несомнѣнно на Толстого повліяли и народническія движения 70-хъ годовъ эпохи хожденія въ народъ. На русское общество не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія и нѣкоторые политические процессы этого времени. Таковы напр. процессы Долгушинцевъ въ 1875 году и въ особенностяхъ процесса московскихъ „пятидесяти“, среди которыхъ обращали на себя вниманіе Бардина, Любатовичъ и сестры Субботины. Это были дѣвушки, вышедшия изъ свѣтскаго общества. Несмотря на то, что родители ихъ были очень богатые люди, они вели жизнь простыхъ рабочихъ дѣвушекъ, жили въ фабричныхъ казармахъ, работали по 14--16 часовъ въ день и переносили всѣ тягости труда только ради того, чтобы иметь возможность жить среди рабочихъ и учить ихъ. Наконецъ въ 1878 году огромное впечатлѣніе произвелъ процессъ 193 и Вѣры Засуличъ. Всѣ эти народническія дви-